

АПОЛОГИЯ «ОСОБОГО ПУТИ» И МЕНТАЛЬНОСТЬ РОССИЯН: ВЗГЛЯД ИЗВНЕ

Б.М. Фирсов

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Аннотация: В данной статье автор ставит в центр своего изучения ментальные миры современного российского населения. Подчеркивая расплывчатость определения, что такое ментальность; автор анализирует структуру ментальности россиян и какое место в ней занимает идея «особого пути». Опираясь на мнение множества иностранных экспертов автор стремится дать обобщенный взгляд на ментальность россиян «извне».

Ключевые слова: ментальность, ментальные миры, идеология «особого пути», риторика «особого пути», идеологическая программа.

*Мы легче миримся с разорением нашего гнезда,
чем с гибелью наших воздушных замков.
Чарльз Диккенс*

На протяжении нескольких лет (2003-2006) при поддержке Института Кеннана и Фонда Макартуров я занимался изучением ментальных миров современного российского населения [Фирсов 2003: 3–9; Фирсов 2004: 2–8; Фирсов 2007: 14–27]. Работа эта протекала в несколько этапов. Один из них состоял в глубоком погружении в литературу по поводу понимания ментальности. Вторым этапом было проведение нескольких десятков экспертных интервью, в которых дефиницию ментальности, а самое главное, качества российской (русской) ментальности оценивали на паритетных правах группа «инсайдеров» и группа «аутсайдеров».

Давно замечено, например, что у народов, как и отдельных людей, выдающимися достоинствами часто оказываются не те, которые они любят себе приписывать. Я учел, что многие черты «русскости» («российскости») не раз подмечались людьми, которые могли посмотреть на Россию со стороны (русские эмигранты, зарубежные исследователи-русисты, дипломаты, журналисты). Это еще раз подтвердилось в моем эмпирическом исследовании. Зарубежные эксперты глубже, критичнее судили «со стороны» о ментальных мирах россиян, демонстрируя априорные преимущества внешнего наблюдения перед внутренней саморефлексией россиянами (русскими) свойств их ментальности. При этом тема «особого пути» была одним из обертонов обсуждения свойств российской ментальности. Ссылки на мнения экспертов, как правило, нетривиальные, несущие на себе следы их жизненного и исследовательского опыта, определили жанр этой статьи¹.

¹ Визитные карточки экспертов приводятся в конце статьи.

Следует сказать несколько слов о движении России в историческом времени. Существует устойчивая легенда, близкая по своей природе к мифу, что именно «наше» время переходное, но «прежняя» Россия бывала «всегда» стабильной, нашедшей себя, целостной и гармоничной. «Было ли так когда-нибудь?» — спрашивает В. Кантор и отвечает: такого не было 10 с лишним лет назад на заре горбачевской перестройки. Не могло быть и в пору брежневского застоя, который оказался не чем иным, как перерождением, распадом и разложением советской системы. Переходным оказался хрущевский период, вобрав в себя разоблачение сталинских репрессий, возвращение миллионов узников из концлагерей, попытки вернуться к «ленинским нормам партийной жизни», а заодно обогнать США «по производству мяса, масла и молока на душу населения». Перетряской всей страны была эпоха сталинской коллективизации и индустриализации. Из огня да в полымя швыряли народ продразверстка и НЭП. Не назвать страну стабильной и целостной в период между двух революций и на рубеже XIX и XX веков (не говоря уже о самих революциях). Переломными эти годы называли современники, видя, как капитализация России видоизменяла страну. То же придется сказать о пореформенной России второй половины XIX века, когда, по словам Л. Толстого, «все перевернулось» и никак не могло уложиться. Таковыми были и царствование Петра I, и период раскола при Алексее Михайловиче, и «смутное время», и период от Ивана III до Ивана IV Грозный, удельная раздробленность, Крещение Руси, время становления русской государственности (862 год) — все указывает на постоянные изменения и замену одного качественного состояния другим [Кантор 1997: 255-256].

Ссылаясь на Ю. Леваду, я напомним о том, что в современной России имеет место периодическое накопление нереализованного потенциала нескольких поколений, принудительно оказывающихся в одном времени, которое они не могут назвать «своим». Так возникают очаги молчаливого сопротивления, которое опирается на инерцию ментальности, не способной к перекраиванию картины мира синхронно с общественными преобразованиями и переменами, в какой бы форме (революция, исторический перелом, рывок в развитии, «большой скачок», реформы и т. д.) они ни выступали. Ибо здесь вступают в силу долговременные ментальные структуры («темницы долгого времени», по Ф. Броделю), которые более всего противодействуют изменениям и сохраняются при смене поколений.

«Переходность является константой российской истории», — так завершит свой тезис В. Кантор. Испокон веку Россия была поставлена перед необходимостью поиска своей идентичности в условиях постоянной смены действий и декораций на сцене, где разыгралась ее историческая драма. Как следствие — многовековая неустойчивость культурного равновесия и постоянное перенапряжение ментальности под влиянием постоянно изменяющихся смыслов жизни, ценностей, реалий окружающего мира.

«Все процессы и фазы истории в России медленнее должны бы протекать», — заметит Г. Гачев и обоснует важный для нас тезис о вечной власти переходности несовпадением шага Пространства и такта Времени [Гачев 2002]. Народ российский тяготеет к «натуральному развитию медленным шагом времени», а государство живет испокон веку со словом «ускорение» на устах, чему всегда, изначально сопротивлялся склад мышления народа, Русский Логос. Потому так трудно и долго ищется, и не находится что-то четкое и повисает в воздухе истории нескончаемыми вопросами.

Ментальность в нашем случае аккумулирует реакции на «черновики истории» и на неудачи с «беловым вариантом», который страна и народ попытались было «написать» путем перехода к демократии и рыночной экономике, но не смогли достичь намеченных целей. «Не свое время», о котором писал Левада, выступает синонимом травматического перелома в образе жизни России, который по-прежнему порождает чувства утраты стабильности, непонимания сути происходящих перемен, вызывает тревогу, апатию и растерянность у менее адаптивной части населения страны.

Гигантская работа себя над собой, работа, которую представляет собой жизнь, — так образно охарактеризовал механизм функционирования ментальности французский историк М. Вовель (1), желая подчеркнуть, что смена картины мира, носителем которой является человек, требует усилий, связана с борьбой за себя и «свой образ». Не будучи в силах справиться с нагрузками времени, человек обращается к прошлому, точнее — к мифологическому представлению о нем, считая, что страну сбили с наезженной колеи, предложив ей новую маршрутную карту, вместо того, чтобы она продолжала идти своей и потому не похожей на другие, «особой русской дорогой».

(2) Риторика «особого пути» (для Европы после 1945 года, попросту говоря, исключенная), в цепком плену которой находится ментальность россиян, мешает движению страны к открытому и динамичному социальному состоянию. Не обращать на это внимание значит жертвовать будущим ради сомнительных, одномоментных выгод, которые включает в себе возрождение державности и имперского духа, особенно заметное на фоне кризисного переживания истории.

«Возрождение великой державы» стало тем единственным символическим тезисом, на котором сходятся и либералы-западники, и коммунисты-патриоты, и поборники «Святой православной Руси», говорилось в одном из экспертных докладов левадовского ВЦИОМа [Гудков 2002]. Правда, компоненты того, в чем именно заключается смысл национального «величия» державы, могут сильно различаться, как и средства достижения заветной цели. Но общая программная композиция не меняется, демонстрируя известную устойчивость во времени. Прозападно настроенные рыночники условие будущего процветания и мощи нового демократического государства, мировой державы (столь же развитой в экономическом отношении, как и другие члены «большой семерки») видят в рынке. Коммунисты ностальгически вспоминают былую военную мощь, монолит государственного строя, общественную жизнь в СССР. Борцы за Святую Русь уповают на соборность, духовность православной веры. Каждая из таких «идеологических программ» имеет своим стержнем идею «Великой России». Но, употребляя слова «идеологических программ», Л. Гудков не имеет в виду выработку каких-то новых ориентиров и политических целей. Скорее речь идет об артикуляции аморфных массовых представлений и клише, несущих на себе следы сильного влияния нерационализируемых ценностей и излишне нагруженных моральными оценками, внушающими неверие в мысль.

Развивать эти сюжеты не входит в мои цели, но русская идеология продолжает порождать «мистические сущности» вроде «Большой идеи России», которая, по мысли ее проектантов (самой идеи еще нет, есть только представление о том, какой она должна стать), положит начало чуть ли не новой формации, а то и цивилизации. Мне запомнились публицистические очерки Р. Гальцевой в журнале «Новый мир», где она мастерски реконструировала и представила чаемую Россию, какой она видится сквозь призму «Большой идеи» [Гальцева 2002]. Уготовано быть ей постиндустриальной, основанной на некой самостоятельной морали, а также (полностью в духе М. Вебера) связанной с самодисциплиной, напряженным трудом и концентрацией сил. Еще одна опора — фундаменталистский потенциал православия, который теперь уже не кажется исчерпанным, а характеризуется как «праздничное мирозерцание», сумевшее донести до нас «животворную энергетику языческого эроса». Да и роль православия теперь иная — служить не только благим антиподом для всего остального христианства, но также исходным образцом, эталоном для альтернативного западному русскому экономического порядка на основе варианта «монастырского социализма» с его отрицанием частной собственности и отказом от всякого имущества. Конечно, эта модель, по меньшей мере, странная, весьма далекая от реальности, но зато «своя».

Стремление преодолеть рыхлое, нестабильное жизнеустройство побуждает россиян конструировать образы желаемого будущего, напоминающие «коктейли» из реальных, идеальных и мифологизированных представлений о дореволюционной России, Советском Союзе

и постсоветской России. Эксперты (обе группы) в принципе согласились с этим, сославшись на состояние многих социальных и экономических институтов в стране. Хороший пример — экономические институты, представляющие собой сочетание (нередко централизованное) рынков, интенсивного бюрократического регулирования с элементами коррупции и личных (подобных клановым) отношений.

Предоставлю слово эксперту из Финляндии Ю. Гроноу (ныне профессору Упсальского университета, Швеция): «Один мой друг, работавший когда-то экспертом в Казахстане и ездивший оттуда на машине в Финляндию на каникулы, рассказал такую историю. В Казахстане все функционирует: милиция останавливает тебя через каждые 50 километров, но все, что надо сделать, — это опустить стекло и дать им, условно говоря, 50 рублей. И никаких споров, никаких разговоров. В Финляндии это тоже просто и функционально.

Превысил скорость — на следующий день получи по почте штраф (конечно, в сотню раз больший, чем в Казахстане). Тебе даже не нужно встречаться с полицией.

Но в России все не так. Полиция тормозит тебя через каждые 10 километров, прямо как в Казахстане, и всегда начинает спорить, объяснять и выговаривать: где ты поступил неправильно. От тебя ожидают искренних извинений и объяснений, что, мол, на самом-то деле ты обычно не водишь машину так, но дома у тебя больная мать или твоя жена только что покинула тебя, вследствие чего ты был вынужден, как исключение, пойти против правил и т.д. и т.п. Наконец, минут через 20 ты можешь очень осторожно предположить, что раз у вас обоих, похоже, совсем нет времени и что, в частности, у полицейского, вне всякого сомнения, найдется множество куда более важных дел, возможно ли будет разрешить проблему на месте, а не ехать в милицейский участок. Некоторое время поколебавшись, инспектор всегда соглашается, и ты платишь ему 100 рублей и уезжаешь. По дороге то же повторяется несколько раз. Тень русского пути вездесуща!

(3) Идеология «единственно верного пути», каким был путь к социализму, еще не выветрилась из голов россиян, однако фатальную веру в то, что «мы покажем миру, как надо жить», нельзя объяснить только «причудами» советской истории. «Виной» всему являются ментальные механизмы различения «своего» и «чужого». Более точно — акцент на несхожести ведет к апологии «особого пути».

Один из вопросов экспертного интервью формулировался так: ищут ли россияне сходство с иностранцами или пытаются установить несхожесть? От чего зависит выбор алгоритма различения «своего» и «чужого» народа? Оказалось, что принципиальные расхождения по данному поводу у обеих групп экспертов отсутствуют. Приведу несколько примеров их высказываний.

«На самом деле то, что делает иностранцев непохожими и/или непонятными для нас, а нас, в свою очередь, непонятными для иностранцев, связано не с принципиальными ценностями или драматическими различиями характеров и темпераментов. Имеют значение какие-то мелкие, чисто технические схемы, на основе которых мы стараемся взаимодействовать. Эти схемы оказываются разными, что прежде всего бросается в глаза. То есть оттого, что наши гайки не подходят к их винтам на какие-нибудь доли миллиметра, мы обнаруживаем, что будто бы принадлежим к разным мирам» [эксперт М. Соколов, Россия].

«Россияне ищут несхожесть или сходство всегда. Сходство/несхожесть выступает в роли оценочной категории: „Молодец, это — по-нашему!“ Я не раз слышал от своих оппонентов: „Вы мыслите не по-нашему“, „Такая логика — не наша“. Это маркирование получило широкое распространение. Оно служит в российской научной этике заменой аргументов» [эксперт Б. Ланин, Россия].

«В современной (постсоветской) России довольно широко распространено подчеркивание несхожести — не только в народе, но и в интеллигенции. Причем в провинции более „экссклюзивны“, чем в столицах (и в Петербурге более „экссклюзивны“, чем в Москве). Играет роль разочарование Западом у тех, кто путешествовал. Там, как оказалось, не рай и не ад, а

что-то банальное, привычное и, в конце концов, неинтересное. К тому же люди как бы свертывают эти чувства в обратную сторону (говоря языком психоанализа, *project them*). Это одна из причин всплеска разговоров о „русофобии“» [эксперт Ю. Гроноу, Финляндия].

Итоговое мнение будет следующим: «Россияне часто знают „чужое“ лишь понаслышке. Мне кажется, что их ментальная конструкция — это прежде всего „мы — они“» [эксперт Ж. Нива, Франция].

Другой формой противопоставления своего и чужого является отрицание множественной идентичности. Эмпирическое исследование новой европейской идентичности показывает, что один и тот же человек или группа людей нередко имеют несколько идентичностей. В одном контексте они могут определять себя как европейцев (скажем, в Америке), в другом — как финнов (например, на хоккейном матче в Швеции), в третьем (гостя у друзей из Тампере) — как «мы из Хельсинки». Опасность состоит в том, что исторически во времена кризисов или неопределенности сильные национальные моноидентичности мобилизовать было довольно легко, было легко найти «козлов отпущения», взвалив на них ответственность за все страдания (роль евреев в европейской истории). Русские реже, чем европейцы, признают возможность множественной идентичности. Советский человек вообще никогда не мог представить себя в другой ментальной оболочке.

К такому же выводу, кстати сказать, приходят и исследователи общественного мнения. Сошлюсь на Б. Дубина. Совсем недавно он писал в одной из своих работ [Дубин 2009: 398-399], что подавляющее большинство россиян не чувствуют себя людьми западной культуры или не считают этот момент важным для себя. В то же самое время коллективный «мы-образ» в европейских странах сильно эволюционирует в последние годы в совсем другом направлении. Дубин подкрепляет свой тезис конкретными примерами. Скажем, в Италии, где традиционно была важна и актуальна региональная проблематика, происходит рост значимости универсалистской ориентации на мир в целом и человеческий род. Жители Франции считают, что более всего объединяет культура и ценности (соответственно 46 и 38% опрошенных). Значение «почвы», объединяющей силы истории и территории, подчеркивают лишь 24 и 21% опрошенных. Явно растущая открытость европейских обществ является заметным контрастом по отношению к российскому социуму, закрытость которого далеко не преодолена.

Исследователи, продолжает Б. Дубин, сталкиваются сегодня лишь с симптомами распада закрытого общества. Поскольку решающий сдвиг в сторону открытости России является делом будущего (будем надеяться, ближайшего), постольку российское массовое сознание (общественное мнение) продолжает демонстрировать «очевидное»: двойственный образ Запада как ориентира и врага под влиянием мифологии западничества и антизападничества и связанных с ними синдромов восхищения и зависти, подражания и отторжения [там же: 400].

(4) По моей гипотезе, корни этих аберраций сознания и подсознания уходят в структуру российской ментальности, в глубинах которой под влиянием сложной и противоречивой истории давно созрели не поддающиеся рационализации представления, составляющие образ «умонепостижимой» России. Скажу более определенно: ментальность делает русских адептами особого своеобразно понимаемого пути.

Эту связь российской ментальности с историей очень тонко подметила И. де Мадариага, эксперт из Великобритании: «Есть еще один момент касательно России, который кажется мне основополагающим, — понятие воли. Что это такое? Однажды у Ленина я встретила цитату, которую потом никак не могла найти снова, — речь в ней шла о различных значениях слова „воля“ (он-то должен знать!!!). Я не знаю ни одного другого европейского языка, который имел бы два слова — „воля“ и „свобода“, выражающие два разных понятия свободы. В английском есть два слова — „liberty“ и „freedom“, но понятие — одно и то же. Можно говорить о „freedom of the press“ или о „liberty of the press“ (оба выражения значат „свобода печати“). В латыни есть только „liberty“. Но русское „свобода печати“ не то же самое, что „воль-

ная печать“. В слове „вольное“ есть нечто такое, что крайне трудно поддается переводу (см. о трудности перевода „земля и воля“). Если Иван Грозный говорит „я волен“ — это не то же самое, что сказать „я свободен“. Последнее употребляют, принимая приглашение: „I am free to come“ („Я могу прийти“). В данном контексте не скажешь „я волен“. Воля — внутри тебя, свобода дается тебе извне. А ведь у русских есть еще и выражение „внутренняя свобода“, она-то извне не дается. Но в то же самое время существование такого словосочетания — значит, что в головах носителей языка понятие „свобода“, возможно, не содержит признака „внутренний“.

Мне кажется, что такое разделение значения имеет что-то общее с существованием двух форм слова „быть“ в испанском: „ser“ и „estar“. „Ser“ относится к существованию (soy rubia — я белокурая), а „estar“ — к изменяющимся обстоятельствам (estoy enferma — я болен). „Воля“ относится к чему-то, чем ты являешься, „свобода“ зависит от обстоятельств, она — то, что „случается“. То, как использовать эти два понятия, какое из них выбрать в определенном контексте? Русские, безусловно, решают автоматически, не задумываясь в такие моменты об оттенках значения. Тем не менее эти оттенки присутствуют всегда, бессознательно, и добавляют еще одно измерение к ощущению свободы в пространстве, свободы от контроля любого типа, что, как представляется, присуще натуре русских — всех классов и культур — и не является результатом действия законов. Поэтому идея свободы „в соответствии с законом“ не столь уж существенна, как „я свободен“, „я волен“.

Это можно обнаружить и в отношении русских к закону. Екатерина (самая нерусская женщина, какую только можно отыскать) неожиданно для человека, никогда не изучавшего юриспруденцию, выступила приверженцем буквы закона — как проводника к справедливости, а не его духа („Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения“, статья 153). В продолжение веков русские, кажется, предпочитали букве закона его дух как более способствующий примирению и согласию — фактически, это право справедливости, а не формальное право.

Это нашло отражение у Радищева в его „Путешествии из Петербурга в Москву“, в главе „Зайцово“. Герой повествования, судья, встает на сторону крестьян, совершивших убийство, потому что их вынудили к тому невыносимым к ним отношением, оправдать которое абсолютно невозможно. Он никак не мог принять того, что правило закона подразумевает безоговорочное подчинение букве закона. В русской истории известно много случаев, когда право справедливости предпочитали формальному праву».

В расплывчатости определений ментальности и форм ее бытия заключены определенные преимущества, например возможность ухватывать в анализе «нечто», ускользающее от других наук. Не таким ли путем шел М. Вебер, угадывая и открывая «нечто непознанное, но существующее» (речь о духе капиталистической предприимчивости) в проявлениях «очевидного» (протестантской этики)? Ментальность разнородна, хаотична и в то же время стереотипна [История ментальностей...1998].

Подкреплю это наблюдение ссылкой на мнение российского историка и эксперта проекта О. Кена, недавно безвременно ушедшего из жизни: «Под ментальностью понимаются устойчивые (или даже инвариантные) способы интерпретации социального в доминирующей культуре. Петр I, например, для современной российской ментальности является общепринятым позитивным символом. Можно вздохнуть цитировать Ключевского и при этом сохранять неотторжимость от совокупности представлений, воплощенных в феномене Петра I. Это и есть ментальность, инвариантная данность, способная уничтожить или ассимилировать всякое сопротивление этой данности — политическое, нравственное, эстетическое».

(5) Представлю теперь обобщенный взгляд «извне» на ментальность россиян. Рискну в этом случае предложить коллективную точку зрения, сложенную на основе синтеза отдельных высказываний Ю. Гроноу (Финляндия), К. Келли (Великобритания) и Ж. Нива (Франция).

1. Мне кажется, что я уловил ноту, которая выполняет роль камертона для этих высказываний. Крах СССР заставил мир думать, кто такие русские, оставшиеся без советской оболочки. Именно тогда стало ясно, что это люди, говорящие на русском языке как родном, погруженные в русскую культуру и наделенные русской идеей (чувством патриотизма, особенно привязанностью если не к историческим корням, то к земле), смотрящие на все «не наше» неодобрительно.
2. «Все началось давно». Современные дискуссии о русскости, судьбе России, русском православном духе и душе и, что более важно, противопоставление Запада и Востока в российской истории и культуре — все это повторения и вновь найденные старые элементы тех старых националистических дискуссий и форм политической мобилизации. Позднее, конечно, были обсуждения большевизма и его роли в русской истории, но даже они осложнялись тем, что российско-советские интеллектуалы (диссиденты), как встарь, ставили Россию и ее роль в истории человечества между Востоком и Западом. Эта идея играла и, несомненно, продолжает играть чрезвычайно важную роль в самопонимании России как в отрицательном плане (мы не европейцы, значит, европейские модели Просвещения и демократии нам не подходят), так и в положительном (у нас есть что дать остальной Европе благодаря такой двойственной позиции между современным и традиционным).
3. «Русским сильно мешает этика кланового общества». Ее корни уходят в патерналистскую систему, где четко различаются «свои» и «чужие». Разные нормы поведения внутри собственной группы или клана, а также по отношению к «чужим», которые к «своим» не принадлежат. Сильное чувство зависти и негодования по отношению к аутсайдерам часто связано с такой установкой: если они гораздо богаче нас, значит, они преступники или мафиози. Это наследие советского времени, однако оно поддерживается и многими нынешними экономическими и социальными структурами.
4. «Разруха в головах». Все тяжело в России, но единственное, с чем нет проблем, — это идентичность. «Мы точно знаем, кто мы», — так часто говорят русские о себе. Их западные собеседники думают иначе, точнее, обращают внимание на «разруху в головах», вызванную необходимостью ужиться с падением роли в мировой политике, исчезновением статуса «великой державы».
5. Астигматизм взглядов русских на мир. В прошлом средний гражданин западной страны считал, что он очень хорошо понимает советскую систему, лучше бедных советских, переживших «промывание мозгов». Средний российский интеллигент из того же недавнего прошлого полагал, что он прекрасно знает за границу по романам Диккенса и Бальзака (и даже лучше «туземцев», поскольку советский народ «самый читающий в мире», а там погружены в быт, но классическую культуру своей страны не уважают и не понимают). Следы этих отношений влияют на взаимное понимание сегодня.
6. «Кому в Европе жить труднее всех?» «Я категорически не согласен с идеей, — сказал Ж. Нива, — что адаптация для русского человека исторически была более сложной, чем для немца или китайца. Путь от французского крестьянина 1860-х годов (при Наполеоне III) до резни под Верденом, оккупации в 1940–1944 годах, утраты колонии, массовой урбанизации не менее трудный, чем от российского крепостного человека 1860 года до солдата Первой мировой, раскулаченного крестьянина, солдата Великой Отечественной войны и жертвы ваучеров. Конечно, не было во Франции самоуничтожения такого масштаба, как Гулаг, не было блокады Ленинграда. Но сегодняшняя адаптация [россиян] все-таки менее мучительная, это не „геноцид“ (как любят выражаться новые русские националисты, [постоянно] приписывая его Западу)».
7. «Интерес к России падает». За озабоченность собой и невнимание к другим приходится платить. Иные считают, что Россия просто обречена на ненависть со стороны Запада. Это — преувеличение и истерика. В реалиях сегодняшнего мира преобладает дру-

- гая реакция. Например, в Англии Россию не столько ненавидят, сколько просто не понимают (дух Кембриджа — это прежде всего неприятие претенциозности и умственной отсталости), и выходцами из России не интересуются.
8. Демократия избавляет от участи оказаться жертвами перемен. Людям приходится адаптироваться к неизбежности социальных и экономических изменений, но им особо нечего сказать про эти перемены, которые к тому же оказались стремительными и резкими во многих аспектах и с точки зрения многих [россиян]. Впрочем, сегодня это не специфически российская черта. Россию, вероятно, отличает то, что там нет эффективно действующей политической общественной сферы, общественных СМИ и разного рода политических организаций, начиная с партий и заканчивая народными движениями и гражданскими форумами всех типов, где можно было бы открыто обсуждать, критиковать и даже отрицать перемены, прошлое и будущее, и разные этому альтернативы.
 9. Две позиции отличают политику нынешней российской власти: первая — «великодержавная», тоска по границам империи, угрозы, конфронтация советского стиля, а вторая, более умная, — культурное сотрудничество, культурный обмен, пусть даже культурный империализм. Однако постоянный комплекс неполноценности русских и русской власти мешает гармоническому развитию второго подхода. «Россия-1» не знает, что у нее есть «Россия-2», представляющая собой огромный потенциальный запас культуры.
 10. Главное преимущество и аргумент в защиту современной России — возможность для ее граждан, особенно для младших поколений, взять на себя ответственность за собственные судьбы. Таков основной аргумент в защиту новой России, который эксперты слышат от многих ее жителей. Все это должно происходить в столь жестких и для многих людей деструктивных условиях, без необходимых систем защиты тех, кто не справляется или неспособен адаптироваться. Если же такие системы защиты и есть, они нередко служат препятствием для дальнейшей модернизации. Ни правительство, ни политические партии, по-видимому, не имеют реально работающих способов решения данных проблем. Следовательно, современная Россия еще будет какое-то время — дольше, чем другие части мира, — пребывать в гибридном состоянии, когда люди сталкиваются с трудностями при поиске ориентиров на будущее.

Заостренность, прицельность, точность замечаний — эти качества экспертных оценок «извне» являются альтернативой бездоказательной апологии «особого пути» развития, без ссылок на примеры, достойные подражания, без инноваций, которые бы стремились взять на вооружение наши западные партнеры и оппоненты. Чем настойчивее российские представители (ученые здесь не составят исключение) подчеркивают особость российского пути, тем активнее им оппонирует западное профессиональное мнение, среда (в том числе научная), с которой издавна поддерживаются и развиваются отношения кооперации и сотрудничества.

В наше время происходит переопределение смысла и вектором отношений между разными странами. Замечу, что оно начинается в ментальных структурах, на дологическом уровне, чем лишней раз подчеркивается важность их анализа. Вместе с тем этот процесс является следствием глобализации, которая заметно и постоянно смещает «традиционные» места разных стран, их народов и лидеров в представлениях граждан других стран. Их ментальность хранит и обновляет образы «своих» и «чужих», оказывая влияние на международный климат нашей планеты.

СВЕДЕНИЯ ОБ ЭКСПЕРТАХ, чьи ответы приведены в тексте статьи:

Юкка ГРОНОУ (Jukka Gronow) — PhD, профессор социологии, Упсальский университет (Швеция);

Исабель де МАДАРИАГА (Isabel de Madariaga) — член Британской академии (FBA), историк и литератор (Великобритания);

Катриона КЕЛЛИ (Catriona Kelly) — DPhil, профессор русистики, Оксфордский университет (Великобритания);

Олег КЕН (1960—2007) — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный педагогический университет;

Борис ЛАНИН — доктор филологических наук, профессор, Всероссийская государственная налоговая академия (Москва);

Жорж НИВА (Georges Nivat) — профессор русистики (Франция);

Михаил СОКОЛОВ — кандидат социологических наук, преподаватель, факультет политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Вовель М., Гуревич А., Рожанский М. 1998. Ментальность. — *50/50. Опыт словаря нового мышления*. Под общ. ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. — М.: Прогресс-Рауот.

Гальцева Р. 2002. Тяжба о России. На рубеже столетий. — *Новый мир*. — № 8. — Доступно: http://magazines.rus.ru/novyi_mi/2002/8/gal.html. — Проверено: 05.12.2013г.

Гачев Г. 2002. Космос, эрос и логос России. — *Отечественные записки*. — № 3. — Доступно: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_32.html. — Проверено: 05.12.2013г.

Гудков Л. 2002. Русский «неотрадиционализм» и сопротивление переменам. — *Отечественные записки*. — № 3. — Доступно: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_09.html. — Проверено: 05.12.2013г.

Дубин Б. 2009. О коллективной идентификации в современной России. — *Пути России. Современное интеллектуальное пространство. Школы, направления, поколения*. Т. XVI. — М.: Университетская книга.

История ментальностей... 1998. *История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах*. — М.: Институт всеобщей истории РАН. — Источник: Левада-Центр. 2009. — Доступно: <http://www.levada.ru/press/2009061004.html>. — Проверено: 05.12.2013г.

Кантор В.К. 1997. «...Есть европейская держава». *Россия: трудный путь к цивилизации. Историческо-философские очерки*. — М.: РОССПЭН.

Фирсов Б.М. 2003. Ментальные миры современного российского населения. — *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. — № 4.

Фирсов Б.М. 2004. Ментальные миры современного российского населения (статья вторая). — *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. — № 5.

Фирсов Б.М. 2007. Ментальные миры современного российского населения (статья третья). — *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. — № 6.